

К понятию свободы: историософский аспект

В. М. Камнев¹, А. А. Пирогов²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Медицинский техникум № 2,
Российская Федерация, 192102, Санкт-Петербург, Волковский пр., 106

Для цитирования: Камнев В. М., Пирогов А. А. К понятию свободы: историософский аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 465–472. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.402>

В статье рассматривается историософский аспект проблемы прогресса в сознании свободы. Описывается понимание Гегелем совершенного европейского государства, где проявляется свобода индивида, а дух объективируется как действительность. На Востоке над светским обществом возносится властитель, который служит Богу, дает отчет Ему одному, имеет абсолютную свободу и неоспоримое могущество. Отмечается, что для Гегеля философия государства и права — это система нравственности, где обязательна победа общего над частным. Суть всей системы оптимистична, какие бы тревожные противоречия эту систему ни пытались разрушить. В этой монархии духа, в идеальном государстве как системе свободы противоречия гражданского общества добровольно-принудительно снимаются и преодолеваются. Рассмотрен также опыт марксизма, в котором противоположность рода и индивида преодолевается чисто механическим уничтожением одной из сторон, качественным преобразованием общества, т.е. тотальной социальной революцией, победой над капиталом и появлением нового обобществившегося человечества. Показано, что философия политики проистекает не только из гегелевской философии, но также из теологической мысли. Рассматривается философский, социальный и исторический феномен политических религий и процесс постепенной секуляризации общества, когда сфера власти радикально разбожествляется и становится светской. В статье делается вывод, что история — это территория столкновения в духе Апокалипсиса, также — вечностный процесс падшего мира. Для современного русского человека, утверждают авторы статьи, соотнесенность с Истиной становится не только вопросом свободы, но выбором между жизнью и смертью, а значит — и территорией войны, которая проходит по сердцу. Свою причастность к Истине он воспринимает не как следование гражданской религии, а как мистическое приобщение к Христу как постоянному источнику Правды и свободы.

Ключевые слова: прогресс, история, свобода, политическая религия, демократия, истина.

Существует ли прогресс в сознании свободы? В чем выражается смысл истории? В. С. Соловьев в своей статье «Гегель» выделяет главное в философии немецкого мыслителя: «Настоящая свобода достигается духом не через отрешение от предметов, а через познание их в истине» [1, с. 220], тогда как смысл истории, по Гегелю, есть «прогресс в сознании свободы» [1, с. 224]. Само гегелевское понимание истории

как прогресса указывает нам на оптимистический настрой всей философии Гегеля. Именно настрой, настроение, как утверждает Хайдеггер, предопределяет стратегию мышления. Определенно, Гегель априори оптимистичен и уверен, что в перспективе истории все для человечества закончится благополучно. В контексте своего рассуждения Соловьев цитирует Евангелие от Иоанна: «Познайте истину, и истина освобождает вас» [1, с. 224]. В ортодоксальном христианстве, которое для Гегеля не являлось адекватным отражением абсолютной истины, а «Бог был лишь философствующий ум, который только в совершенной философии достигает и своего абсолютного совершенства» [1, с. 217], воплощенной Истиной является Господь Иисус Христос. Человек верующий стремится к познанию Бога и в Нем открывает Истину и обретает свою настоящую свободу. Для Гегеля, считавшего, что абсолютная истина выражается в философии, а не в христианстве, — «истинное познание есть тождество познающего и познаваемого, субъекта и объекта» [1, с. 220]. Соловьев поясняет мысль Гегеля, что государство напоминает бога, являя «высшее правление объективного духа, совершенное воплощение разума в жизни человечества» [1, с. 220]. В большей мере это относится именно к германо-христианскому миру, где появляется государство европейского типа, как демократическое «осуществление этой свободы всех (в их единстве)» [1, с. 220]. Собственно, это и есть воплощенная европейская демократическая идея с участием некоторых лиц общества в управлении государством, судах присяжных, сословных собраниях, системе выборов и голосования. Гегель утверждает, что в таком обществе есть конфликт, но «преступник карается законом, объективным законом, но он должен и сам признать, что заслужил наказание, что он сам погубил себя» [2, с. 393]. Преступник страдает по объективным законам, а его чувство раскаяния должно сопровождаться признанием своей вины. Через справедливое наказание преступление снимается. Что касается тюрьмы и отбывания наказания в таком государстве, то «нравственный мир права и естественный порядок вещей осуществляет принуждение по отношению к субъекту в качестве естественной власти и пребывает для себя» [2, с. 393]. Гражданское общество обеспечивает исполнение закона, права и поддерживает порядок. Наказание за нарушение права и содеянное зло может быть только в государстве, вне его это месть. В совершенном государстве проявляется свобода индивида, согласно Гегелю, — «дух объективируется как действительность». В свою очередь, поясняет Соловьев, на Востоке, где «право действительного преступника на наказание и право невинного быть свободным от наказания не существует и заменяется случайностью», единственным субъектом свободы является властитель, который «имеет общепризнанное право наказывать невинных и награждать преступников» [1, с. 220]. Над светским обществом возносится верховный властитель, который служит Богу, дает отчет Ему одному, имеет абсолютную свободу и неоспоримое могущество.

Несомненно, гегелевское понятие свободы связано с тем, как мыслитель понимает природу духа, понятия, идеи — в ином, вплоть до абсолютной противоположности, абсолютного инобытия и отпадения, в ином оставаться у себя. Понятие — логический алгоритм свободы. Единичное — это иное всеобщего, и как бы единичность ни настаивала на своей девиантной и дурной автономии, она будет снята и положена в истине, в форме понятия. Применительно к обществу это отражается в том, что в основе всегда находится традиционная ячейка: семья, брак, естественная форма нравственности. Происходит непосредственное доминирова-

ние коллективных интересов, общего блага над частным. Это субстанция, основание, из которого все и проистекает. Изначально в истории доминирует род, который постепенно рассыпается и гибнет в гражданском обществе. На этой стадии индивид мыслит себя непосредственно как члена полиса, законы которого священны, божественны. Так исторически сложилось в эпоху Античности и так происходит в любом социуме, в том числе и современном. Зло как произвол индивида присутствует, но оно слабо, безопасно, предсказуемо и ограничено законом. Здесь различие рода и индивида, которое еще не выступало в семье, было еще сокрыто в себе, освобождается, выходит на свет. Гражданское общество экономически выражается в форме капитализма с его лукавыми данностями: войной всех против всех, неравными возможностями, ложной свободой частного интереса, мнимой конкуренцией — и неизбежным трагическим результатом: чем больше богатства, тем шире границы зла и беспросветной нищеты. Однако философия Гегеля априори оптимистична. Все в истории должно закончиться благом, вернуться к своему основанию, пройдя стадию распада. Для Гегеля философия государства и права — это система нравственности, где победа общего над частным — суть всей системы, какие бы тревожные противоречия эту систему изнутри ни раздирали и ни пытались разрушить. В этой монархии духа, в идеальном государстве как системе свободы противоречия гражданского общества добровольно-принудительно снимаются, сглаживаются и полностью преодолеваются. Изначально доминировавший род постепенно рассыпается и гибнет в гражданском обществе. И в итоге такой системы смен формаций наступает победа духа, иначе: Золотой век, возвращение в некий рай, полусказочный мир — шалом, как состояние без войн между человеческими сущностями. Здесь проявляется гегелевский тезис, отрицание отрицания. Стоит отметить, что монархия как высшая форма, как обретенный рай, допускает внутри себя ад, свое инобытие, без которого не может быть и системы свободы. Если нет ада, то нет выбора, религиозный человек это хорошо понимает. Принудительный рай не может быть местом наивысшего спокойствия, наслаждения и удовлетворения, поскольку будет сопряжен с тоталитаризмом. Вопрос гегельянцев заключается в том, почему политическая история застряла на этапе гражданского общества? Карл Маркс отвечает, что иначе и быть не может, поскольку само по себе гражданское общество представляет собой систему бесконечного воспроизводства противоположности частного и общего, индивида и рода. Из этой порочной системы противоречий, как полагал Гегель, выхода в его необходимости не существует. Согласно Марксу, Гегель во многом оправдывает капиталистическое рабство, а религия духа, т.е. христианство, — это всего лишь необходимый элемент государства, помогающий эксплуататорам, санкционирующий унижение и закабаление трудового народа. Таким образом, противоположность рода и индивида снимается чисто механическим уничтожением одной из ее сторон, качественным преобразованием общества, т.е. тотальной социальной революцией, победой над капиталом и в результате — появлением нового обобществившегося человечества.

Ф. Фукуяма (Francis Fukuyama) утверждает, что планетарная победа либерализма, т.е. некое всемирное гражданское общество во главе с мировым правительством, — это неизбежный конец истории [3]. Не монархия духа, а ее антипод. Получается, что противоположность рода и индивида снимается уничтожением объединяющего родового начала, т.е. всех форм коллективной идентичности и общности,

включая народ, семью, государство, пол, религию. Экономические преимущества либерализма обязательно одержат победу над этическими и гуманными ценностями, произойдет возвышение американско-европейской модели управления над всеми остальными. Мыслитель надеется, что история получит еще один шанс для обновления и возьмет новый старт к возврату к нравственным ценностям, а опасностью для либерального мира могут служить только религиозные фанатики-фундаменталисты и национализм. Стоит отметить, что марксизм, как и либеральная демократия, при всей своей идейной обворожительности и заманчивости, — достаточно тоталитарен, свобода здесь достигается через разрушение и подчинение.

Попытаемся актуализировать данные интуиции. Вне всякого сомнения, философия Гегеля является вершиной немецкой и мировой мысли. Важно отметить, что философия политики проистекает не только из гегелевской философии, но также из теологической идеи, на что обращает внимание Соловьев. Истина сделает человека свободным. Какая истина? Истина Евангелия или, например, — либеральная демократия? Может ли какая-либо гражданская религия, без Бога Абсолюта, без Евангелия, но со своим богом (или богами) и манифестом (или гражданскими манифестами) освободить человека? Христианину это представляется сомнительным. Социальный конфликт политической религии и христианства растет переходит в плоскость понимания истинной и ложной свободы. Возможно, нынешнее идейное противостояние является не только антагонизмом Востока и Запада как различных политических и мировоззренческих систем, но также столкновением гражданских демократических политических религий и христианства, перманентно претендующего на обладание полнотой Истины.

Итак, история катастрофична, это отчужденная форма духа на пути его возвращения к самому себе. Гегель определенно признает катастрофы и бедствия, но как явления преходящие и относительные прогрессу. Сложно не признать, что мы существуем в пространстве творения истории, т.е. на территории постоянной войны, итог которой пока не предreshен. Конец истории — не в земной, материальной жизни, не в привычной человеку среде обитания, а в метафизическом первоначале истории, в вечности, в Боге, в Царствии Его, т.е. простирается за границы нашего мира.

Эмилио Джентиле (Emilio Gentile), всесторонне рассматривая философский, социальный и исторический концепт политических религий, говорит о сущностной потребности человека быть религиозным, а также о том, что «ни одно политическое сообщество не сможет сохранить своего единства и идентичности во времени, не порождая какой-либо формы светской религии, основанной на кодексе разделяемых гражданских верований и ценностей» [4, с. 59]. Наиболее яркими и известными проявлениями светской политической религии являются: либеральная демократия, коммунизм и фашизм [4]. Гражданские религии тоталитарны и входят в конфликт с ортодоксальным христианством в области понимания человека, свободы и истины. Столкновение между различными типами истины происходит в контексте деконструкции современного мира, его мифов, актуальных проблем, основосодержащих идей, привычных смыслов и нарративов. В качестве яркого примера можно привести популярный музыкальный конкурс «Евровидение», который был задуман в понтификат Папы Пия XII (1939–1958) как объединяющее послевоенную Европу песенное неполитическое мероприятие. В основе лежала христианская идея мира и любви, традиционные семейные ценности. Отсюда

и символика конкурса: величественный католический гимн *Te Deum* («Тебя, Бога, хвалим»), ранее всегда звучавший на церемонии открытия, церковные литургические цвета, европейские государства-участники как символические двенадцать звезд в венце Девы Марии и на флаге Евросоюза, время проведения — май (в католичестве это месяц Богородицы). Итоги конкурса подводились открытым демократическим голосованием с вовлечением семей европейцев. В настоящее время конкурс представляет собой политическое мероприятие, напоминающее «богослужение» или обряд гражданской религии, сопровождающееся имитацией демократического выбора, манифестацией прав девиантных меньшинств, воспроизводящих нормы и ценности, угрожающие самому существованию семьи как союза мужчины и женщины. Площадка конкурса, ставшая пространством неистового торжества победившего секуляризма, успешно интегрирована в поле беспощадной войны, где делаются политические заявления, третируются инакомыслящие страны, унижается личность. Традиционная семья зрителей больше не может отождествлять себя с единой общеевропейской семьей народов, поскольку даже в самой процедуре «демократического» голосования конкретная нация делает прогнозируемый политический и этический выбор, расходящийся с лежащими в основе объединения Европы созидательными христианскими ценностями и мирными наднациональными гуманными интересами. Папа Иоанн Павел II мечтательно рассуждал, что Церковь дышит двумя легкими — восточным и западным, а христианская вера оживит забытые общечеловеческие ценности. К сожалению, католическая попытка пробудить христианскую душу Европы и объединить ее воскресшее тело на основе нравственных ценностей закончилась чудовищным провалом. На наш взгляд, она столкнулась с противостоянием тоталитарной гражданской религии североамериканской демократии, которая развивается «в направлении превознесения миссии американского народа, избранного Богом, чтобы нести благо человечеству» [4, с. 108]. Джентиле объясняет это тем, что «с первых лет существования Соединенных Штатов осуществлялся перенос сакральности с традиционных религиозных конфессий на политическое измерение новой республики» [4, с. 105–106], т. е. на североамериканскую образцовую демократию. В результате сформировалась наступательная миссионерская общественная религия, соединенная с рационализмом, нравственным релятивизмом, патриотизмом и верой в избранничество своего народа, несущего миру истинную свободу, избавление от рабства и божественную демократию. Новый человек спасает европейский мир от бед недемократического устройства, однако непременным результатом этой миссии являются столкновения и войны во всех сферах — от морали и культуры до религии и политики. Демократия без ценностей, соотнесенных с окончательной и вневременной Истиной, теряет свой нравственный характер и превращается в беспощадный тоталитаризм.

Реформатор политической науки Э. Фёгелин (Erich Voegelin), который одним из первых описал феномен гражданской политической религии, утверждает, что в ее контексте «инструментом социальной критики становится не произвольная идея человека как имманентного миру существа, а идея человека, который обнаружил свою истинную природу через обретение своего истинного отношения к Богу» [5, с. 174], т. е. природу свободы. Иначе говоря, любой конфликт, скажем, современные события в Малороссии, можно рассматривать как конфликт религиозный, проистекающий из идейного первоконфликта — библейского противостояния Каина и Авеля, бунта

одного из братьев против Бога. Напомним, что война между единокровными братьями, описанная в четвертой главе книги Бытия, началась из-за формы жертвоприношения «призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» (Быт. 4: 4). Земледелец Каин убивает пастуха Авеля, чья жертва была принята Богом. В основе противостояния сыновей Адама и Евы лежат два вида религиозности: Каинова — прагматичная, материалистическая и Авелева — наивная, идеалистическая, два вида свободы, одна — соотнесенная с имманентным, другая — сопряженная с трансцендентным бытием, с Богом. Дар Авеля — первородное от стада, одушевлен, совершенен, пророчески указывает на безупречного носителя Истины — Христа как чистого и непорочного Агнца, которого приносящий пастух чтит в вечностной перспективе. Дар Каина практичен, заслужен, представляет собой урожай той проклятой грешной земли, которая им же со слезами и возделывается, следовательно, восхваляет прежде всего труд самого земледельца. Образно говоря, такой приносимый сноп и есть гражданская религия, сытая и удобная в земной перспективе. Однако либеральная демократия — это не дар свободного человека другому человеку и обществу, тем более это не дар Богу, а всего лишь жалкая попытка установить светскую религию грубой силой, подчиняющей себе брата. Бог, источник Истины и свободы, не принимает дар Каина как светскую религию. Абсолютная власть Бога здесь ставится под сомнение, гордо оспаривается. Свободный Каин строит город Енох, символизирующий новое разбожествленное мышление. Демократия, описанная в Библии, также проявляется в дальнейшем возведении Вавилонской башни и разделении народов. Церковь постоянно предпринимает усилия к объединению мира под своей властью, но в земной исторической перспективе в этих попытках проигрывает, поскольку перманентно противостоит божественной демократии, ставящей человека в центр мироздания. Согласно Фёгелину, политическая теология в ортодоксальном христианстве давно пришла к концу, происходит постепенная секуляризация общества, когда «сфера власти радикально разбожествляется и становится светской» [5, с. 236]. Однако духовная судьба личности в христианском смысле не решается полностью политическими религиями, но Церковью, человек остается существом религиозным по своей сути.

Нам довелось жить в пору столкновения истин, когда подлинные вопросы человеческого бытия обнажаются и становятся актуальными — для практикующего философа, и для рядового солдата, и для простой домохозяйки. Как никогда русский человек начинает сознавать, что устоит только то, что здесь и сейчас напрямую соотносится с вечностью. Русская история — из всех, пожалуй, самая трагическая, ведь желанного мира в ней никогда по-настоящему не наступало. При этом сама мировая история — это также не многоактная пьеса со счастливым финалом, но территория войны, катастрофы, непрерывного столкновения в духе Апокалипсиса. Это не благодный процесс постоянного прогресса и восторженного восхождения к лучшему, но скорбный путь падшего мира и окончание ее будет в вечности, в Царствии Божиим. Можно ли удобно и безмятежно устроиться в таком мире? Разве индивид не погружается сегодня, против своей воли, в войну как в аутентичное пространство свободы? Духовная борьба раздирает его противоречивую натуру, захватывает все сакральные пространства. Неприкосновенных обитателей в мире и в душе почти не осталось, катастрофа тотально вовлекает человека в свое злое адское чрево.

В растущем национальном самосознании нет ни тени фатализма и фанатизма, наоборот — деятельная страсть и жажда новой харизматической жизни, стремление к абсолютной свободе в Боге, ее справедливому свершению в окружающих людях и воскрешению мира из хаоса «демократической» деконструкции. Прогресс в сознании свободы существует в возвращении к ее божественной сути и освобождении от земной и светской религии Каина, но происходит он через столкновение и войну противоположностей. Для современного русского человека соотносительность с Истиной становится не только вопросом свободы, но выбором между жизнью и смертью, а значит — и территорией войны, которая простирается прежде всего по «передовой сердца». Свою причастность к Истине он воспринимает не как следование разбожествленной гражданской религии, а как мистическое приобщение к Христу, источнику Правды и свободы, наделяющему этими дарами всех тех, кто жаждет бессмертия. Иван Тургенев, который своей мыслью словно балансировал между Западом и Востоком, в романе «Рудин» выразил это так: «Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается через людей. Сознание быть орудием тех высших сил должно заменить человеку все другие радости: в самой смерти найдет он свою жизнь, свое гнездо...» [6, с. 236]. Неслучайно роман заканчивается батальной сценой и смертью романтического героя. Не предсказал ли Тургенев неизбежный для русского идеалиста переход в бессмертие?

И хотя война противна натуре человеческой, все же любой индивид оказывается вовлечен в противостояние не только добра и зла, но разных видов зла, а также разных видов зла и добра. При этом современное христианство в многообразии своих формаций и институтов едва ли может сдержать войну, скорее — печально констатировать тотальную борьбу противоположностей и подобных друг другу сущностей. Таким образом, Апокалипсис, который ни в коей мере не может быть мечтой или основой ожидания здравомыслящего человека, можно понимать как тотальную катастрофу, но последовательный и необходимый этап перехода земной истории в вечность. История как богочеловеческий процесс завершается на Небе, а не на Земле, не нашей волей, а волей Бога. Нам остается достаточно много: время для благого и созидательного труда, философское размышление, встречная воля и смиренная молитва: «Да приидет Царствие Твое! Ей, гряди Господи Иисусе!»

Литература

1. Соловьев, В. С. (1892), Гегель, в: Соловьев, В. С. (ред.), *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, СПб., т. 15, с. 220–226.
2. Гегель, Г. В. Ф. (1990), *Философия права*, М.: Мысль.
3. Фукуяма, Ф. (2015), *Конец истории и последний человек*, пер. Левин, М. В., М.: АСТ.
4. Дженгиле, Э. (2021), *Политические религии*, пер. Станжевский, Ф., СПб.: Владимир Даль.
5. Фегелин, Э. (2021), *Новая наука политики*, пер. Селиверстов, Н., СПб.: Владимир Даль.
6. Тургенев, И. С. (1979), *Рудин*, Л.: Лениздат.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 5 июля 2022 г.

Контактная информация:

Камнев Владимир Михайлович — д-р филос. наук, проф.; kamnevladimir@yandex.ru
Пирогов Алексей Александрович — канд. филос. наук; alekseipirogov69@mail.ru

Towards the concept of freedom: The historiosophical aspect

V. M. Kamnev¹, A. A. Pirogov²

¹ St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

² Medical Technical College no. 2,
106, Volkovsky pr., St Petersburg, 192102, Russian Federation

For citation: Kamnev V. M., Pirogov A. A. Towards the concept of freedom: The historiosophical aspect. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 465–472. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.402> (In Russian)

The article explores the historiosophical aspect of the problem of progress in the consciousness of freedom. Hegel's understanding of the perfect state is described. It is noted that, the philosophy of state and law is a system of morality, where the victory of the general over the particular is obligatory. The essence of the entire system is optimistic, no matter what disturbing contradictions they try to destroy this system. In this monarchy of the spirit, in an ideal state, as a system of freedom, the contradictions of civil society are overcome. The article also describes the experience of Marxism, in which the opposition of the genus and the individual is overcome by the purely mechanical destruction of one of the opposing sides, by the qualitative transformation of society, that is, a total social revolution, the victory over capital and the emergence of a new socialized humanity. The authors emphasize that the philosophy of politics stems not only from Hegelian philosophy, but also from theological thought. The authors conclude that history is the territory of an apocalyptic collision, as well as the eternal process of the fallen world. According to the authors, for a contemporary Russian person, the correlation with the Truth becomes not only a matter of freedom, but a choice between life and death, and, therefore, the territory of war, which takes place primarily in the heart. He perceives his involvement in the Truth not as following a civil religion, but as a mystical communion with Christ as a constant source of Truth and freedom.

Keywords: progress, history, freedom, political religion, democracy, truth.

References

1. Solov'ev, V. S. (1892), Gegel', in: Solov'ev, V. S. (ed.), *Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron*, St Petersburg, vol. 15, pp. 220–226. (In Russian)
2. Hegel, G. W. F. (1990), *The Philosophy of Law*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
3. Fukuyama, F. (2015), *The end of history and the last man*, transl. by Levin, M. B., Moscow: AST Publ. (In Russian)
4. Gentile, E. (2021), *Political religions*, transl. by Stanjevsky, F., St Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
5. Voegelin, E. (2021), *The New Science of Politics*, transl. by Seliverstova, N., St Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
6. Turgenev, I. S. (1979), *Rudin*, Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian)

Received: February 10, 2022

Accepted: July 5, 2022

Authors' information:

Vladimir M. Kamnev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; kamnevvladimir@yandex.ru
Alekssei A. Pirogov — PhD in Philosophy; aleksepirogov69@mail.ru